

ОТРОК

ЦИКЛ
Евгения Красницкого

ОТРОК

Внук сотника
Бешеный лис

ЕВГЕНИЙ КРАСНИЦКИЙ

ОТРОК

Бешеный лис

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
К78

Серия «Отрок»

Выпуск 2

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

К78 Красницкий, Евгений Сергеевич

Отрок: Бешеный лис: роман / Евгений Красницкий. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2016. — 384 с. (Серия «Отрок»).

ISBN 978-5-271-47659-4

XII век. Права человека, гуманное обращение с пленными, высший приоритет человеческой жизни... Все умещается в одном месте — ножнах, висящих на поясе победителя. Убей или убьют тебя. Как выжить в этих условиях тому, чье мировоззрение формировалось во второй половине XX столетия? Принять правила игры и идти по трупам? Не принимать? И быть убитым или стать рабом? Попытаться что-то изменить? Для этого все равно нужна сила. А если тебе еще нет четырнадцати, но жизнь спрашивает с тебя без скидок, как со взрослого, и то с одной, то с другой стороны грозит смерть? Если гибнут друзья, которых ты не смог защитить?

Пока не набрал сил, пока великодушие — оружие сильного — не для тебя, стань хитрым, ловким и беспощадным, стань Бешеным Лисом.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-271-47659-4

© Евгений Красницкий, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

*Конец марта 1125 года. Туров — Княжий погост —
дорога на Ратное*

Приключения начались сразу же после выезда из Турова. Стоило только санному поезду миновать последние сараи и заборы городского посада, и Мишка, правивший передними санями, увидел, как на дорогу выскочили четыре фигуры и, выстроившись поперек пути, дружно брякнулись на колени. Мишка придержал Рыжуху, сзади послышался топот копыт — дед и Немой купили себе строевых коней и сопровождали семейный караван верхом, в полном вооружении.

— Кхе! Гляньте-ка, музыканты!

Действительно, на дороге стояли четверо из оркестра, сопровождавшего выступление Мишкиной «труппы», — двое парнишек, игравших на рожках, флейтист и «ксилофонист». Когда дед подъехал к ним вплотную, все четверо сдернули шапки и уткнулись лбами в грязный, перемешанный с навозом дорожный снег.

— Боярин! Корней Агеич, батюшка! — возопил «ксилофонист», обладатель астрономического имени Меркурий. — Смилуйся, не дай пропасть! Возьми к себе, хоть

холопами, хоть кем! Если не меня, то хоть детишек пожалей, пропадут! Приюти, батюшка боярин, мы отслужим!

— Ну-ка поднимайтесь, нечего грязь носами ковырять! Что, Своята выгнал?

— Сами ушли, боярин-батюшка, мочи не стало!

— Сами? Кхе... И чем же он вас так утеснил?

— Всем, батюшка боярин, — голодом, холодом, побоями, попреками, угрозами. Сколько бы ни заработали, все равно должны ему. Ты не подумай, мы вольные, и кабальных записей на нас нет, просто Своята все время твердил, что мы зарабатываем меньше, чем он на нас тратит. Совсем сил никаких не стало. Возьми, боярин, хоть детишек, я-то выкручусь как-нибудь.

— Кхе! Куда ж я вас...

— Боярин!!!

— Да не ори ты! Думаю я, а не гоню. Так просто такие дела не решаются. Ждите здесь. Михайла, пойдём-ка с матерью поговорим.

Мать уже сама выбралась из бывшего скоморошьего фургона и шла к передним саням, следом за ней потянулись и племянники.

— Вас кто звал? Кыш по местам! Анюта, слышала, наверно, все, что скажешь?

— Дети еще совсем, пропадут, батюшка. Я с ними еще там, в Турове, поговорила, все — сироты. А Своята их и правда в черном теле держал, не врут. Вон тот крайний — Артемий — выглядит как Кузька, а на самом деле старше Михайлы на год.

— Кхе! Значит, братъ?

— Не знаю, батюшка, — мать жалостливо вздохнула. — Меня вот Никеша на могилку к родителям сводил, так я как будто повидалась с ними, на душе посветлело, а этим и пойти-то некуда. Жалко ребяток.

— Так братъ или нет?

— Воля твоя, Корней Агеич, а я бы... — Мать немного помолчала, снова вздохнула. — Я бы взяла.

— Андрюха, ты? — дед повернулся к Немому.

Немой ткнул указательным пальцем в Мишкину сторону, потом тронул свою гривну десятника.

— Хочешь сказать, что с ними в Младшей страже почти полный десяток соберется? — «перевел» дед.

Немой кивнул.

— Значит, брать... Ну а ты, Михайла, что скажешь?

— Мне вроде бы и невместно... — Мишка изобразил скромность, хотя взять ребят хотелось.

— Спрашивают — говори! — дед почему-то начал сердиться, было похоже, что ответы матери и Немого ему не понравились.

— А прокормим? — осторожно спросил Мишка.

— Не объедят да и бездельничать не будут.

— Тогда — брать.

— Вот как! — дед подбоченился и критически оглядел собеседников с высоты седла. — Одна пожалела, второй к делу пристроил, третий прокормом озаботился! А думать я за вас должен? Так, что ли? Ладно, эти обалдуи, но ты-то, Анята, знаешь же!

— О чем ты, деда? — Мишка все еще не мог уразуметь причины дедова недовольства.

Дед сердито молчал, и мать, в очередной раз жалостно вздохнув, пояснила вместо него:

— Мишаня, не берут в Ратное чужих, — мать беспомощно развела руками. — Девок в замуж приводят, а мужиков или парней... Такой уж обычай за много лет сложился. Ты об этом, батюшка?

— О чем же еще? — дед пристукнул деревяшкой в железное доньшко кожаного ведерка, заменявшего ему правое стремя. — Как я их перед сотней поставлю? Только если холопами. А если холопами, тогда какая же Младшая стража?

— Но Пашку же привели, когда у него родители померли, — вовремя припомнил прецедент Мишка.

Мать опять ответила вместо деда:

— Он — родич, Мишаня, его старшая сестра, которая в Ратном замужем, к себе взяла. А почему вы его Пашкой зовете? Он же Пантелей, должен быть Панькой, а не Пашкой.

— Нашла время выяснять! — досадливо оборвал невестку дед. — Если ничего другого не придумали, тогда два пути: или отправляем ребят на все четыре стороны, или едем назад в Туров обельные грамоты выправлять. Они и в холопы согласны, сами сказали.

«Блин, вот ведь ситуация! Деду, видимо, и самому хочется ребят взять, а обычай не позволяет, потому он и злится. А чего тогда нас спрашивал? Думал, что мы какой-нибудь выход придумаем? Что же тут придумаешь, было бы хоть какое-нибудь дальнее родство... Можно, конечно, и соврать: мол, дальних родственников из Турова привезли, но это дед и сам придумать мог бы, наверно, не хочет врать... Стоп, сэръ Майкл! Родство! Как же я сразу-то...»

— Мама, — торопливо, пока дед еще не принял окончательного решения, спросил Мишка, — а родство обязательно кровное должно быть? Вот если, скажем, крестник, это как?

— По христианским канонам крестный отец или мать — те же родичи. Даже очень близкие — в брак вступать нельзя.

— Деда, — Мишка задрал голову к возвышающемуся в седле Корнею, — а давай их окрестим! Станут нашими родственниками. Мы же Княжий погост будем проезжать, там церковь есть.

— Мишаня, — не очень уверенно возразила мать, — у них же имена христианские, их крестили уже...

— Кашу маслом не испортишь, — Мишка решительно рубанул рукой воздух, — окрестим еще раз!

— Ты что, сынок? — мать мелко перекрестилась. — Грех это!

— Святое крещение — грех? Мама!

— Кхе! Михайла, как у тебя язык-то в узел не завязывается?

— Деда, ну что тут такого? Появилось затруднение, я придумал, как из него выйти. Да вообще, давай у них самих спросим!

— Ну давай спросим, — дед призывно махнул музыкантам рукой. — Эй, ребята!

Квартет рванул с места, как наскипидаренный.

— Меркуха, — грозно спросил дед подбежавшего первым ксилофониста, — вы крещеные?

— Это... — замялся Меркурий. — Как бы да...

— Что значит «как бы»?

— У Свояты в Берестье дружок есть — поп. Он сказал, что с христианскими именами теперь по городам ходить безопаснее. Ну и окрестили нас как бы. Не в церкви и оба пьяные были. Я и не знаю: считается ли?

Мишка, не давая ни матери, ни деду ответить, заявил:

— Не считается!

— А что ж теперь?.. — испугался Меркурий.

— Кхе! — дед, скрывая довольную улыбку, расправил усы. — Крестить вас будем! По-настоящему!

— Так значит, берете? Боярин-батюшка!!! Да мы...

— Тиха-а! Я не боярин, больше меня никогда так не называть! Быстро забирайтесь вон в тот воз. Одежка у вас... того, в ящике теплее будет.

— Мы только вещички... — засуетился Меркурий.

— Бегом! Анюта, покорми их там чем найдется да насчет крещения и всего прочего объясни. Крестной матерью ты у всех одна будешь. Кхе! Мало тебе своих пятерых... А мы с Андрюхой, так и быть, пополам поделимся. Андрюха, ты кого хочешь в крестники? Что, все равно? Тогда бери самых малых, а я — тех, что постарше. И вот что: садись-ка ты пока в сани, а в седло Михайлу пусти, мне с ним потолковать надо.

Саннный поезд наконец-то тронулся, дед с внуком пропустили сани вперед и поехали сзади, стремя в стремя.

— Ну, Михайла, признавайся как на духу: сам насчет воинской школы выдумал?

— Почти. Ты же согласился Петруху в обучение взять? Та же самая школа, только для одного ученика. А так и заработаем, и ратнинцы, что поумнее, своих отроков тебе в обучение отдавать станут. Ты же сам говорил, что молодежь учат плохо.

— А насчет лавки?

— А тут — все правда. Никифор в самом деле про это рассказывал, только он уже такой был, что обращался не к тебе, а к кувшину, а ты и не слушал. От лавки обязательно польза будет, вот увидишь. Станет народ из окрестных деревень приезжать, ратнинцам будет где товар без хлопот сбыть. Торговля разрастется, другие купцы подтянутся. Вокруг торгового места всегда народ собираться начинает. Ну в самом Ратном-то селиться не дадим, тогда посад постепенно за тыном вырастет. Так села в города и превращаются. Станет Ратное городом, а ты — в нем воеводой. Чем плохо?

— Ну, это когда еще будет да и будет ли? — скепсис деда был вполне понятен, поэтому Мишка счел за благо сменить тему:

— Деда, а ты в долю с Никифором вошел?

— Вошел, даже грамоту составили.

— А место для лавки выбрали?

— Андрюха свое подворье Никифору продал — чего зря ветшает, он же все равно у нас живет.

— А жениться надумает? Как без своего дома?

— Андрюха? Жениться? — дед фыркнул и покрутил носом. — Да скорее твоя Ниня замуж выйдет! От него и раньше-то бабы, как от чумы, шарахались, когда говорить мог и руки обе целые были. А теперь-то...

— Что ж, никто и никогда? Совсем?

— Ну-ка, кончай мне зубы заговаривать! Признавайся, зачем про школу выдумал? И Петрухой не отговаривайся, не поверю.

— А ругаться не будешь? — осторожно спросил Мишка.

— Может, и буду, смотря чего скажешь.

— Тебе и по уму, и по заслугам давно боярином быть должно... — начал Мишка и выжидающе умолк.

— Пока не ругаюсь, давай дальше, — подбодрил внука Корней.

— От князя боярства не дождешься, — продолжил Мишка, — гривну сотничью и то хитрым способом добывать пришлось. Значит, надо боярином становиться самому.

— Ну-ну, и при чем же здесь школа?

— Что такое боярин, деда? Земля и дружина. При чем, сначала дружина — она тебе и землю добудет, и людей на эту землю посадит. Заметь: ТВОЯ дружина, а не княжеская сотня. Великий князь киевский при смерти. Скоро все опять закрутится: князья с места на место поедут, земли делить станут, детей и родню на теплые места пропихивать. Если бы сотня была твоей личной, ты в это время запросто мог бы себе землицы прибрать, холопами ее населить, ну и прочее.

Мишка снова замолчал, ожидая дедовой реакции на свои слова. Дед немного помолчал, хмыкнул, покосившись на внука. Мишка уже было приготовился услышать что-нибудь на тему: «Не суйся не в свое дело», но дед спросил вполне доброжелательным тоном:

— Все так, а школа?

— Допустим, прислали тебе на обучение десять человек, — Мишка, почуяв дедову заинтересованность, приободрился и заговорил увереннее. — Что, ты вместе с ними еще один десяток своих людей не сможешь выучить? Кто знает, какие люди твои, а каких ты за плату учишь? Пусть Никифор хотя бы несколько учеников пришлет, под это ты сколько захочешь своих в учение поставить сможешь! Ведь сможешь?

— Кхе!

— Не ругаешься? — Мишка попытался заглянуть деду в глаза и получил шуточный щелчок по носу.

— Не ругаюсь, не ругаюсь. Дальше давай, мудрец.

— А чего не спрашиваешь: где людей взять?

— Потому что знаю. Совсем деда за дурня держишь?

— Как раз наоборот: я вот так и не придумал ничего. Одно только знаю: люди — главная ценность, дороже золота и самоцветов.

— Людей найду. Ты давай про школу, — чего-чего, а гнуть свою линию, не отвлекаясь в сторону, дед умел.

— Так, а что еще-то? — Мишка даже слегка растерялся, оказывается, дед знал какой-то способ решения самой сложной, на Мишкин взгляд, проблемы. — Я уже все вроде бы рассказал.

— Нет, — покачал головой дед, — ты рассказал про то, зачем школа нужна, а вот про то, какой она должна быть — ни слова.

— Так ты уже сколько людей выучил! — совершенно искренне удивился Мишка. — Что я тебе рассказать могу?

— Выучил, но не в школе. И сам я в школах никогда не учился. Не было у нас раньше таких, как отец Михаил, и школ не было. Та ребятня, которая к нему четыре года отбегала, от тех, кто в школу не ходил, отличается, как... — дед зашнурлся и, то ли не подобрав сравнения, то ли подобрав такое, что при внуке вслух произносить не стоило, отрубил, — словом, отличается, и в лучшую сторону! Если уж мы воинскую школу создаем, то и ученики наши от обычных ратников должны так же отличаться. Понял, о чем я толкую?

— Преимущества систематического образования...

— Чего? Опять словечки ученые? — дед досадливо поморщился. — Толком говори!

— Программу обучения продумать надо.

— Михайла!

— Прости, деда, очень трудно с книжного языка на обычный перетолковывать. Ты прав, и сделать это можно, но я не знаю, получится ли?

— Давай-давай. Рассказывай, а я подумаю, может, и получится.

«Блин, как же попонятнее изложить-то? Раньше надо было думать, сэр, теперь вот извольте рожать адекватные формулировки на ходу».

— Кто у нас новиков обучает? Сами родители или мужчины-родственники. Так?

— Еще десятники, — добавил дед.

— Все равно: в чем учитель силен, в том и ученик силен, а в чем учитель слаб... Ну, нельзя же быть во всем лучше всех!

— Ну и что?

— А если учителей в школе собрать лучших в каждом каком-то деле? Ну, скажем, лучший лучник у нас Лука Говорун, а лучший мечник... Я не знаю, но ты-то всех знаешь!

— Понял, понял! — дед демонстрировал прямо-таки чудеса терпения и толерантности; похоже, поднятая Мишкой тема заинтересовала его всерьез.

— погоди, деда, дай договорю! Если лучшие будут новиков обучать, то общий уровень подготовки повысится... То есть... Сейчас, соображу, как сказать...

— Да понял я, не дурак! Все как бы лучшими станут.

— Да, и то, что было редкостью, станет обычным. А среди них опять кто-то лучше других окажется, в чем-то одном. Их и сделать учителями. Так все и будет улучшаться!

«Блин, нет нужных терминов в ЗДЕШНЕМ языке. Как же объяснить-то?»

— Не ломай голову, понял я. Нет тут никакой особой мудрости. Если ученик не сравнялся с учителем, то учитель — дерьмовый. А хорошего учителя ученик, рано или поздно, превзойти должен!

Ты думаешь, почему я так об обучении пекусь? В том, что на той переправе треть народу потеряли, вовсе не дурак боярин виноват, и не Данила. Сотня ослабла! Лет двадцать назад никто бы команды и не ждал. Сами бы из-под обстрела выскочили и лучников тех порубили. Ты не думай, что я по-стариковски ворчу, мол, раньше и погода была лучше, и девки слаще. Выучка другая была! Без нее и не выжили бы. А теперь живем спокойно, соседи присмирели, наши жирком поросли. Ты посмотри: многие ли, как я или Лука, доспех без переделки носят? Почти всем чуть не каждый год расставлять приходится — брюхо не влезает!

Мишка замер. Впервые дед разговаривал с ним, как со взрослым, делясь наболевшим и не делая скидки на возраст внука. Видимо, сам о том не задумываясь, дед выставил Мишке высший балл за то, что произошло в Турове — начал воспринимать внука всерьез.

— Больно говорить, — продолжал тем временем дед, — но боюсь, сотня уже не поднимется. На той переправе потопла почти одна молодежь. Три десятка! Старики слабеют, уходят, а на замену... В этом году примем только шесть новиков, в следующем — девять или десять. За два года восстановим половину потерь. А сколько из них настоящей зрелости доживут? Может, и никто! Выучки настоящей нет, к учебе спустя рукава относятся — что ученики, что учителя. В первом же бою можем всех потерять.

— Но ты же сотник! Неужели заставить не сможешь?

— Заставить могу, но из-под палки толку не будет, желание нужно! Я почему этих ребятишек подобрал? У них желание будет, до седьмого пота станут стараться, и подгонять не придется! Для них в воинское обучение попасть — счастье, а для наших — обуза. Не для всех, конечно, но для многих.

— Значит, необходимость воинской школы назрела.

— Перезрела! Я поэтому твоему вранью поначалу и поверил. Думал, осенило по хмельному делу. Потом

только догадался. Ты вот что, внучок... Кхе! Это... Если еще какая мысль полезная появится... — ох и непривычно было сотнику Корнею говорить такое тринадцатилетнему мальчишке, но сотник есть сотник: чтобы повелевать другими, надо уметь повелевать собой. — Не жди случая, говори сразу. Выслушаю и обдумаю. Обещаю!

— А прямо сейчас можно?

— Кхе! Тебе палец дай, так ты всю руку отхватишь!

Говори уж, чего там!

— Есть в ученых книгах такое правило: если задумываешь какое-то большое начинание, то первым делом нужно понять — зачем? Какой итог получить хочешь? Если правильно это поймешь, тогда станет понятно, что и как делать нужно. Вот давай сейчас попробуем понять цель обучения — кого мы готовить будем?

— Ну и кого?

Дед явно не понял, к чему клонит Мишка, и тот поспешил объяснить:

— Чем охрана купеческого каравана от обычных ратников отличается?

— Во-первых, татей всегда больше, чем охраны. Мальчишками нападать — дураком быть нужно.

— Значит, надо учить биться с превосходящими силами противника!

— Так, правильно, — дед согласно кивнул. — Во-вторых, место и время для нападения выбирают тати. И стараются напасть неожиданно.

— Значит, надо учить быть готовым отразить нападение в любой момент и в невыгодных условиях.

— Не-а, тут ты, внучок, промахнулся! Все время в напряжении быть нельзя — быстро устанешь. Надо учить предвидеть! Есть места для нападения удобные, там надо быть настороже, а есть места безопасные. Одни от других надо уметь отличать. Лучше всего этому знаешь как учиться? Самому уметь засады устраивать! Тогда и тебя врасплох никто не застанет.